

ОТЗЫВ

Члена диссертационного совета на диссертацию *Галины Юрьевны Никипорец-Такигавы* на тему: *„Интернетизация политического пространства на примере России”* представленную на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 – *политические институты, процессы и технологии.*

Зарождение российского сегмента Интернета (Рунета) происходит на рубеже 1980-1990 годов XX века. По данным одной из ведущих исследовательских компаний в области медийных исследований, мониторинга рекламы и СМИ «Mediascope» на середину 2019 года число интернет-пользователей в России составило почти 96 миллионов человек (то есть, около 78% населения страны старше 12 лет)¹. В последние годы рост количества Интернет-пользователей был зафиксирован во всех возрастных группах, а количество пользователей мобильного Интернета растет особенно быстро. К ноябрю 2019 года в электронной системе «ГосУслуги» было зарегистрировано 100 миллионов человек. Согласно данным исследовательской организации «Левада-Центр», около 70% респондентов используют Интернет более 1 раза в неделю (а 57% - ежедневно).

В контексте вышеизложенного можно оценить проведенную работу и актуальность данного исследования. Цель диссертации заключается в исследовании и концептуализации роли Интернета в политическом пространстве на примере России как одной из национальных моделей. Цель была точно и четко обозначена автором исследования.

Гипотеза заключается в том, что амбивалентную и комплексную роль Интернета в политическом пространстве можно изучать в рамках теории интернетизации

---

¹ М. Domanska, *Zakneblować Runet, uciszyć społeczeństwo. Kremłowskie ambicje „suwerenizacji” Internetu*, <https://www.osw.waw.pl/pl/publikacje/komentarze-osw/2019-12-04/zakneblowac-runet-uciszyc-spoloczenstwo-kremłowskie-ambicje> (4.12.2019); *Mediascope расширила измерения мобильного интернета до всей России*, www.mediascope.net (16.09.2019); *На «Госуслугах» зарегистрировался стомиллионный пользователь*, www.echo.msk.ru (26.11.2019); *Пользование интернетом*, www.levada.ru (13.01.2018).

Anton Dong 1

09/12-82 om 06.02.2020

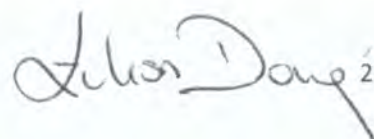
политического пространства, которая подразумевает два параллельных процесса, одним из которых является процесс интеграции Интернета в деятельность других политических институтов, а другим – превращение Интернета в политический институт, выполняющий в политическом пространстве функции, типичные для политических институтов, то есть структурно-регулятивную, нормативно-культурную, интегративно-стабилизирующую и стратегическую. При выполнении данных функций Интернет обнаруживает специфический набор характеристик, предъявляя определенные вызовы другим политическим институтам, требующие ответов на уровне государственной политики, которые смогут обеспечить сбалансированное развитие процесса интеграции Интернета в деятельность других политических институтов вместе с процессом превращения Интернета в политический институт.

Без сомнения, Автор имеет полное право выдвигать подобную гипотезу, однако, по мнению рецензента, такая гипотеза содержит определенную проблему. Она упускает определение того, чем на самом деле является Интернет. Это не было, как уже упоминалось, намерением автора, однако разные определения могут привести к совершенно другим выводам. Таким образом, если определять Интернет согласно Юстине Хофмокл (соучредитель и один из координаторов проекта Creative Commons Poland - польского отделения организации Creative Commons) - как «новое достояние», новый тип товара, которые сохранил определенные особенности обычных товаров общего пользования, но в то же время они обладает множеством новых свойств. В противном случае мы будем рассматривать правила и регуляции, введенные властями некоторых стран (и эти правила можно будет рассматривать как попытку присвоить этот товар)².

Тем не менее, вышеизложенное не означает, что мы не должны предпринимать действия, чтобы «исправить» плохие аспекты функционирования Интернета. Как указывает Катажина Шимелевич (президент Фонда Raportykon, который защищает права человека в контексте современных форм социального надзора) - вряд ли кто-нибудь вспомнит, что в 2009 году Интернет был номинирован на Нобелевскую премию мира. Абстрагируясь от изначально политического смысла самой премии, уже с позиции 2019 года, «мир» - это совершенно не то, что мы ощущаем

---

² J. Hofmokl, *Internet jako nowe dobro wspólne*, Warszawa 2009, с. 8.

во всемирной сети. Мы скорее воюем: с ненавистью, дезинформацией, манипуляциями, кибернетическими угрозами. Мы едва способны защитить свою личную автономность, управляемую и контролируемую алгоритмами на каждом шагу. Социальные медиа сегодня больше не являются сообщества эгалитарной среды, а скорее - источником депрессии, беспокойства и зависимости. Сам «Интернет» в целостном смысле исчез, его заменили «огороженные» коммерческие площадки, на которых мы и живем - вместе, но по отдельности. (...) Мы не можем выйти из этой ловушки в одиночку - нам нужны сильные институты, которые будут утверждать правила использования технологий с учетом нашего голоса и наших интересов. Но после 30 лет, проведенных в стороне, в наблюдении за развитием надзорного капитализма, возможны ли еще такие институты? Какой регулятор имеет достаточно сильную легитимность и инструменты для серьезного вступления в эту игру? Кто знает, может, нам стоит снова «доверить» все это национальным государствам и их регулированию? (об этом - см. также ниже). В этом аспекте, еще раз - следует оценить своевременность исследований Галины Юрьевны Никипорец-Такигавы.

Говоря о методах и теориях, указанных Автором, рецензент хотел бы обратить внимание на различия в процедуре получения ученой степени, которые существуют в России и Польше. Эти различия влияют на некоторые аспекты восприятия со стороны рецензента, и могут быть восприняты как очень важные, но, что следует подчеркнуть, не умаляют положительную оценку диссертации, хотя и с определенными оговорками. В Польше, например, необходимо указание базового научного достижения кандидата, которое и является основанием для подачи заявки на следующую академическую степень. Такое достижение долгое время могло быть только персональной монографией, а в настоящее время - обычно это серия публикаций, которые могут включать монографии, научные статьи, другие коллективные работы и т.д. Рецензент, оценивая все достижения претендента, таким образом имеет возможность оценить отдельные элементы и «сложить» их в единое целое. Поэтому, когда оценивается только монография, невозможно определить существенный вклад Автора в другие исследования, которые - о чем будет рассказано далее - и составляют основу для обоснования выводов, полученных в заявленном исследовании. Например, Автор приводит много данных, касающихся частоты появления в Интернете различных лозунгов, тем, терминов, но нет четкого указания на методологию получения этих данных.

 3

Другим существенным недостатком является упоминание многих и многих научно-исследовательских теорий и, опять же, многих и многих методов исследования. Действительно, при проведении междисциплинарных исследований - а именно в таком ключе следует рассматривать рецензируемую работу – все это следует принимать во внимание. С другой стороны, когда упоминается «все, что только можно упомянуть» это может выглядеть так, как будто ничего не было использовано на практике. Возможно, необходимо было сосредоточиться на некоторых методах исследования более детально. Например, в области аналитических методов исследования, связанных с превращением количественных данных в качественную информацию с учетом контекста или, например, анализе методики поисковой оптимизации (search engine optimization, SEO). Само указание на тот факт, что «нечто часто появляется в Интернете», без указания владельца (или аффилиации) конкретных СМИ, возможных намерений и социальных связей людей, публикующих подобную информацию, недостаточно, чтобы сделать убедительные выводы. Что касается теории, как уже упоминалось – в работе перечислено множество теорий, и все же выбор той или иной теории фактически является экзистенциальным выбором самого исследователя. Сделал ли Автор сознательно такой выбор, указывая в конечном итоге на «теорию интернетизации открытых пространств»?...

Структура работы вызывает некоторые сомнения. В первом разделе две главы посвящены теории интернетизации политического пространства. Второй раздел посвящен национальной модели интернетизации политического пространства на примере России. В третьей и четвертой главах показывается генезис Интернета как политического института и его развитие из главного информационного ресурса для политических акторов в актор политических действий на примерах протестных движений, объединяющих людей для реализации совместных политических целей, а также идеологических движений, использующих Интернет как единственный политический институт.

После прочтения этих глав, создается впечатление, что последняя, 5-ая глава написана несколько хаотично. Мы находим в ней фрагменты материалов, например:

- ✓ о политике российских властей (принятие законов, но без более глубокого юридического анализа);
- ✓ о деятельности некоторых российских органов власти в сети Интернет (политика в области информации, связи с общественностью и т. д.);

Arlon Dong

- ✓ о молодежной политике в России;
- ✓ об использовании Интернета политическими партиями и политиками в разных частях света (об избирательных кампаниях в США, Швеции, Великобритании и т. д.);
- ✓ о феномене Brexit-a, и т.д.;

Как уже упоминалось, по мнению рецензента, выбор этих примеров довольно хаотичен. Возможно, эти примеры должны были показать все большую роль, которую играет Интернет в российских политических процессах. Но было ли действительно необходимо использование этих примеров? Возможно, необходимо было сосредоточиться на углубленном исследовании феномена, вынесенного в название работы, а именно «*Интернетизации открытого пространства на примере России*»?...

В представленной работе можно также найти фрагменты, которые, по мнению рецензента, подтверждают хаотическое использование аргументов. Например:

1. Отсутствие ясности в использовании терминов. Иногда язык работы слишком журналистский, слишком разговорный. Это также вызывает сомнения относительно реальных намерений автора. Например, на стр. 3: «*Запад опередил Россию и многие другие страны в ходе освоения интернета, обеспечения массового доступа населения к интернету, а также в области исследований последствий подобного технологического прорыва для разных социальных пространств*» Что в этом случае понимается как «Запад»? Государство, тогда становится вопрос – какое именно? Коллективная политическая организация? Тем более, в этом контексте «Запад» противопоставляется другим странам.
2. Чрезмерное использование неопределенного множественного числа в повествовании. Например, на стр. 105 – «*Мы исследовали дальнейшее развитие функций интернета как политического института и влияние его характеристик на политическую мобилизацию на материале последней из наиболее массовых протестных акций, связанных с предыдущим электоральным циклом, а именно, «Народного схода» в поддержку А. Навального 18 июля 2013 года*».
3. К этому можно добавить неточность или неразборчивость в подписях под большинством диаграмм, представленных в работе – в них присутствует ссылка только на, собственно, Г. Ю. Никипорец-Такигаву, в тоже время как большинство этих работ были скорее всего, результатом работы нескольких

Alison Dong

исследовательских групп. Все это, в свою очередь, не позволяет с точностью оценить персональный научный вклад лично Автора.

4. Некоторые графики и диаграммы были размещены непосредственно в тексте, который содержит на них ссылки. Другие, в свою очередь – в конце работы. В этом случае непонятен критерий разделения, и с учетом того факта, что графиков работе не так много, все они могут быть успешно размещены в самом тексте работы.
5. Ссылочный аппарат в тексте работы представлен традиционным образом – как сноски. По мнению рецензента, библиография, представленная в работе, должна быть организована иным образом. В минимально приемлемом варианте – с разделением на «источники» и «научные исследования», в максимально детализированном – с добавлением иных смысловых категорий. Разделение же, используемое Автором, в виде:
  - I. *Источники (1.1. нормативно-правовые акты; 1.2. информационные сообщения средств массовой информации; 1.3. справочные и статистические данные);*
  - II. *Литература: диссертационные исследования; персональные страницы и публикации в соцсетях;*

вызывает очень большие сомнения. Также вызывает сомнения категория «Литература» и неочевидное подразделение источников в этой категории – без выделения монографий, научных статей в периодических изданиях и т. д. К этому следует добавить тот факт, что иногда в сносках и библиографии остается гиперссылка, а иногда нет – все вышесказанное в целом оставляет впечатление, что работа не подверглась тщательной редакционной правке.

Рецензент также хотел бы обратить внимание на еще один, чрезвычайно интересный элемент представленной работы. Среди прочих категорий, Автор также затрагивает так называемое «виртуальное политическое пространство». Опять же, как и в случае дискуссии о том, является ли Интернет «новым всеобщим благом», эта проблема может изменить восприятие общественности, говоря о роли государств в современном мире, и функциях, которые они выполняют.

Страны, как и прежде, являются основными единицами организации мира, а на протяжении столетий, собственно говоря, они были единственными участниками международных отношений. Их роль в международных отношениях, все также является

Aileen Dong

доминирующей, хотя, несомненно, видны симптомы ослабления. В настоящее время все четче прослеживаются процессы эволюции традиционной роли государства в международных отношениях. Предпосылки этих изменений можно рассматривать в трех основных измерениях: субъектном, объектном и пространственном. В субъектном измерении государства являются все также наиболее значимыми, но меньшинством среди международных участников. Число приблизительно 200 стран является ничтожным по сравнению с почти несколькими десятками тысяч транснациональных корпораций, среди которых самые крупные достигают оборотов, а зачастую даже доходов, превышающих бюджеты если не национальный доход многих стран. Еще более высокие диспропорции были замечены по отношению к сложному для точного охвата, реальному числу международных неправительственных организаций (МНПО), приблизительные данные, в отношении численности которых колеблются в границах от миллиона до нескольких миллионов подобного рода организаций в мире. Отношения между отдельными странами могут иметь различные формы (от сотрудничества, через нейтральность и до соперничества и конфликтов) и проходить на различных уровнях (от локального, через государственный и до глобального). Но общей чертой действий неправительственных участников, не считая разницы, которая их разделяет, является постоянное стремление к расширению области своей автономии по отношению к странам. В объектном измерении, в свою очередь, наблюдается тенденция по ограничению или даже выводу государства из многих областей, рассматриваемых до той поры как основные домены его активности, такие как: экономическая политика, денежная, общественная или образовательная. Таким образом, во многих случаях, мы сталкиваемся не только со снижением значения функции государства - от контрольной до регулирующей, но также с избавлением или передачей полномочий, в этой области другим внутренним или международным участникам. Дополнительно государство потеряло монополию на законное использование силы, как на своей территории, так и за границей. Также как перестало быть монополистом в проведении чрезвычайно сложных и дорогостоящих научных исследований, а также в освоении космоса. К сложностям приводит и изменение территориального измерения функционирования государства в международных отношениях. К концепции пространства в ее традиционном понимании, в виде земли, затем морей и океанов от начала XX века стали причислять также воздушное пространство, а со второй его половины также космическое пространство. Над так понимаемым пространством государство старалось всегда сохранить

Julian Dong

определенную форму контроля, применяя соответствующие инструменты. Сегодня, когда следует также учитывать еще и параметры киберпространства, реальные возможности осуществления контроля над всем пространством кажутся все более ограниченными, а используемые инструменты - малоэффективными³.

В этом контексте следует признать, что исследование Галины Юрьевны Никипорец-Такигавы подпадает под вышеуказанную дискуссию, внося некоторые интересные и интригующие предложения в исследуемое направление.

К сожалению, «Заключение» представленной работы разочаровывает. С одной стороны, этот фрагмент работы достаточно объемный - 18 страниц, однако большие текстовые фрагменты в этой части - это просто повторение вопросов, так или иначе обсуждавшихся в работе ранее например, относительно теории интернетизации политического пространства и т.д. Кроме того, нет также явного подтверждения гипотезе исследования, приведенной во «Введении». Исходя из собственных наблюдений, рецензент чаще встречал иной способ организации научной работы, представленной на соискание такой высокой научной степени. Как правило, существует «основной тезис», и все содержание работы должно стремиться доказать его существование, далее «основная гипотеза», предназначенная для облегчения научного понимания явления, в виде предположения, основанное на вероятности их существования, которая требует итоговой проверки или опровержения, а также «вспомогательных гипотез». В представленной работе все это, к большому сожалению, отсутствует.

Обращают на себя внимания также некоторые идеи из «Заключения»:

1. Страница 269: (...) *«Интернет – это наиболее эффективный политический институт для оппозиции. Интернет-мобилизация эффективнее офлайн мобилизации, но охватывает преимущественно оппозиционный политический спектр. Более того, она является не только эффективной, но часто единственной и постоянно доступной формой мобилизации для оппозиции»;*

---

³ *Międzynarodowe stosunki polityczne*, под редакцией: M. Pietraś, Lublin 2006, с. 88-90; Л. Доной. *Конструктивизм как одна из теоретических ориентаций, объясняющих развитие международной системы в условиях глобализации*, „Youth World Politic”, 4/2014, с. 52-59.

Liliana Dong

2. Страница 273: *«Интернет является не только политическим институтом, но и культурным и экономическим и т.д., но как политический институт он будет развиваться быстрее, так как главные импликации интернета касаются именно политики. Можно предложить два сценария развития интернета как политического института. (...) интернет будет развиваться по линии укрепления своей автономности от других политических институтов, и государства, прежде всего. Интернет как политический институт способен не только быть полностью автономным от других политических институтов, но и укреплять свою автономность. Автономными от государства являются интернет-движения. Они часто создаются, развиваются и превращаются в приоритетную или даже единственную форму политической институализации, прежде всего, главным политическим институтом, тогда как для мейнстримных политических акторов – дополнительным. Даже при отсутствии результата в виде видимого участия (например, в митинге) и наличии таких результатов как «партии slackтивистов» и «диванных пассионариев», участие охватывает практически всех пользователей интернета. Это укрепляет интернет как политический институт оппозиции, альтернативный государству. На данный момент, в российской политической ситуации, интернет как политический институт является, прежде всего, институтом оппозиции».*

Такие наблюдения - чрезвычайно ценные - также показывают научную скромность г-жи Галины Юрьевны Никипорец-Такигавы по отношению к вопросам, в которых Она не является экспертом.

Как указывала ранее цитируемая А. Доманьска, в отличие от Китайской Народной Республики, где Интернет с самого начала создавался под контролем государства, в Российской Федерации он изначально развивался в значительной степени спонтанно, снизу вверх, с использованием большого количества современных коммуникационных технологий. В настоящее же время, представляется, что много раз упомянутая автором «национальная политика Российской Федерации» заключается в том, чтобы, к сожалению, ограничить действие Интернета. Конечно, это не значит, что подобные попытки не предпринимаются другими странами. Однако, масштаб подобных действий (не считая стран подобных КНДР, где существует тоталитарный строй

Aileen Dong

либо присутствует технологический дефицит Интернета как такового) и реакция общества на подобные действия будут крайне серьезно отличаться.

В заключении, несмотря на недостатки, перечисленные ранее, рецензент признает, что диссертация *Галины Юрьевны Никипорец-Такигава* на тему: *„Интернетизация политического пространства на примере России“* соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель *Галина Юрьевна Никипорец-Такигава* заслуживает присуждения ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 – *политические институты, процессы и технологии*. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета,

Лукаш Донай

доктор политических наук,

профессор Познаньского государственного университета им. Адама Мицкевича -

Польша

19.01.2020.

